

[От лица Адама]

Мои губы скривились в рычании, когда я выкрикнул свои слова в их адрес, моё сердце наполнилось отвращением и яростью, обещая им мир боли за то, что они сделали.

— Нет нам пощады, говоришь? — в одно мгновение лысый мужчина передо мной исчез из поля зрения и снова появился в нескольких дюймах от меня, ухмыляясь, когда его кулак полетел к моему лицу, который из-за близости казался больше обычного.

Не моргая, я осторожно шагнул в сторону, легко уклоняясь от кулака, который летел в мою сторону. Увидев это, мужчина взвыл от нездорового веселья, когда его кулак треснул о твёрдую землю, посылая мощную ударную волну силы во всех направлениях, которая отправила камни и грязь в облако пыли вокруг него, когда я сделал один шаг назад.

Костлявый, дрожащий палец старика указывал в мою сторону, пока он говорил. Его глаза не показывали ничего, кроме глубокой ямы тьмы, когда он морщил брови: — Нет ничего лучше, чем убивать тех, кто приходит в поисках мести, — улыбнулся он извращённым тошнотворным тоном.

При этом лысый мужчина подался вперёд, его лицо исказилось в садистской ухмылке, слюна капала с пожелтевших зубов, когда он поднял кулак назад и приготовился нанести ещё один мощный удар в мою сторону: — Дай мне услышать твои крики!

Я оставался неподвижным, когда его атака устремилась ко мне, медленно поднял свой клинок в расчётливой манере в самый последний момент, быстрым движением рассекая его руку прямо посередине, разрывая ее, как перезрелый плод, до самого плеча, превращая его правую руку в две нити бесполезной плоти, свисающие с плеча, а тёплая кровь в большом количестве капала на пол.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а! — закричал лысый от боли, падая на землю, корчась в агонии, его лицо превратилось в искажённую маску страха и ярости.

Жалко, действительно жалко, как легко было разрушить их браваду.

Старик усмехнулся, глядя на своего собеседника со зловещим удовольствием, его губы подёргивались в полном восторге от представшего перед ним зрелища: — Ты недооценил его, Диомед.

Не обращая внимания на другого, я уставился на лысого мужчину пронзительным взглядом, мой голос был холодным, когда я шагнул вперёд и ткнул своим ботинком в его открытую рану, вызвав у него громкий пронзительный крик вновь. — Расскажи мне все, что ты знаешь о башне, — сказал я низким рыком.

Старик повернулся ко мне, его глаза горели интригой: — Он не знает, никто не знает, кроме меня. Увы, ты узнаешь на собственном опыте, что со мной не так легко иметь дело, как с моими друзьями. — При этом старик поднял руку в мою сторону, и из тени появилась орда темных существ, готовых выполнить его приказ.

Я взглянул на старого ублюдка и его рой темных, теневых существ и обнаружил, что его демонстрация силы меня совершенно не впечатляет.

Глядя на него, я начал ощущать что-то новое, холодное, но знакомое чувство, которое прилипло к стенам, как невидимый туман, умоляющий обратить на него внимание, когда я понял причину этого.

Старик использовал человеческие души, чтобы создать свою орду теневых демонов.

Приняв мое молчание за страх, старик захихикал от радости, его глаза сверкали злобой, когда он поднял свой шишковатый посох, а орда демонов за его спиной заревела в унисон, приближаясь ко мне: — Твой маленький поход за местью дал мне более чем достаточно силы, чтобы увидеть твои страдания.

Когда орда двинулась ко мне, их громовые шаги сотрясали землю, я посмотрел на них, не останавливаясь, подняв правую руку в их сторону: — Хадо №33. Сокатсуй.

С этими словами поток голубого пламени вырвался наружу, устремляясь к орде, как волна, становясь больше и сильнее с каждой секундой, нарастая до смертоносного крещендо разрушения, прежде чем поглотить рой врагов целиком, извергаясь в мощном взрыве голубого света и энергии, поскольку их тела были поглощены пламенем.

— Что... — пробормотал старик в шоке, делая шаг назад, когда я подошёл к нему, пламя моей атаки все еще бушевало вокруг меня, сжигая все, кроме него и его спутников. — Ты.... сжёг все души... этого не может быть!

— Расскажи мне все, что ты знаешь о башне, — потребовал я низким и ровным тоном, мои глаза пылали холодной яростью, когда я шаг за шагом приближался к нему, вокруг меня все ещё плясало адское голубое пламя.

— Ты маленький... — Лицо старика исказилось от ярости, когда он шагнул вперёд, но, прежде чем он смог закончить фразу, я исчез из поля зрения, сократив расстояние между нами.

— Отвечай на вопрос, — прошипел я, держа кончик клинка над его ногой, мерцающая форма клинка отражала инферно синего цвета, который поглощал комнату, прежде чем я без предупреждения погрузил его в плоть старика, вызвав у него крик агонии.

Старик стиснул зубы, его лицо исказилось от ярости, и он направил на меня свой кривой посох.

Тёмный посох светился бледно-жёлтым светом, когда он крикнул: — Ты думаешь, что... — Но снова, прежде чем он успел закончить фразу, я быстро выхватил свой клинок из его ноги и одним плавным движением пронзил его пальцы, посох упал на землю, а старик начал задыхаться от удивления и боли.

— Расскажи мне все, что ты знаешь о башне, — снова спросил я, мой голос звучал как лёд, когда я направил свой клинок к его правому колену, пронзив его кожу с болезненным хрустом.

Старик закричал в агонии, слезы текли по его щекам, он рухнул на пол, дрожа от шока и страха.

Пока я смотрел на старика, ожидая его ответа, я почувствовал присутствие позади меня лысого мужчины. Его фигура вырисовывалась в тени, он рванулся вперёд, его оставшаяся рука была высоко поднята в попытке ударить меня сзади, в то время как другая рука висела на волоске, раздвоенная на две части, сочаась кровью.

Не отрывая взгляда от старика, я отвёл клинок назад, с шипением рассекая воздух, прежде чем дзампакуто соединился с тем, кто стоял позади меня, и отрубил его оставшуюся руку с тошнотворным хрустом, сопровождаемым влажным хлюпающим звуком, когда кровь брызнула, как капли дождевой воды на раскалённой жестяной крыше, наполняя воздух металлическим запахом.

Мгновением позже комнату наполнил высокочастотный вой агонии и мучений человека, стоявшего позади меня, его страдания пронзили воздух, как пожарная тревога, отразились от стен и эхом разнеслись по комнате, когда его тело упало на колени с громким хлюпающим стуком.

Сделав шаг вперёд, я приблизился к старику, моё лезвие зависло у его плеча, сильно прижимаясь к его коже. Тонкий слой пота блестел на его лбу, и я повторил свой вопрос, говоря медленно и чётко: — Расскажи мне все, что ты знаешь о башне.

Он вздрогнул, когда моё лезвие вонзилось в его кожу, и я увидел, как в его глазах мелькнул ужас.

— Думаешь, тебе это сойдёт с рук?! — зашипел старик, но, как и раньше, его слова оборвались, когда мой клинок медленно вошёл в его плечо, задев локтевой нерв.

При этом его лицо исказилось в агонии, а глаз зажмурился, так как он отчаянно пытался вытерпеть боль, его рот широко открылся в отчаянном вопле боли.

Его крики агонии, высокочастотный вопль, эхом разносился по комнате, отражаясь от стен оглушительным звуком страдания и страха, когда он пытался откинуть своё тело, пытаясь отстраниться от боли.

— Отвечай на вопрос, — повторил я, вдавливая кончик своего клинка в его вторую коленную чашечку, а затем медленно проталкивая его внутрь, слегка вращая меч в его морщинистой коже, чтобы он почувствовал все движение.

Глаза старика расширились от ужаса, его колени обильно кровоточили, а тело содрогалось в агонии: — Стой! Пожалуйста, остановись!

Убрав свой клинок с его колена, я приставил его к лицу и повторил голосом, который был таким же острым и ледяным, как сталь, которую я держал: — Расскажи мне все, что ты знаешь о башне.

Его глаза расширились при виде оружия, стоящего перед его взором, когда он медленно перевёл взгляд с лица на другую руку.

— Не надо! Пожалуйста! Я все тебе расскажу! — умолял старик, его голос дрожал от страха и боли.

Без тени раскаяния на лице я прижал свой клинок к тыльной стороне его второй руки, и он скривился, когда острые края лезвия прочертили линию из крови. — О, ты и так сделаешь это, — ответил я сквозь стиснутые зубы. — Я позабочусь об этом.

— Нет, пожалуйста, не надо, я расскажу тебе все, я сдаюсь! — хныкал старик, кровь капала с его руки, пачкая пол под ним. — Мы сдаёмся, ты можешь отвести нас к властям, мы будем сотрудничать!

— Властям? Ты забыл, что я сказал? Никто из вас не будет спасён, никто из вас не будет пощаждён, — пробормотал я достаточно громко, чтобы он услышал, отрезая ему указательный палец, а затем сильно ударил ботинком в грудь, сломав тому парочку рёбер.

— Пожалуйста! Ты можешь не продолжать, я клянусь, что всё расскажу! — голос старика дрожал от отчаяния и страха, его глаза расширились и слезились, когда всякое подобие надежды начало исчезать из его существа.

— Я дал вам выбор, который был больше, чем кто-либо из вас заслуживал, но вопреки своему здравому смыслу, я решил предложить вам всем лёгкий выход. Вы выбрали этот кошмар, и теперь, когда вы не можете проснуться от него, вы молитесь о пощаде? — я плюнул, мой голос был холодным и безэмоциональным, когда я наклонился к старику и ткнул пальцем в рану на его плече, заставив его закричать от боли. — Нет, у вас всех был шанс. Теперь давайте посмотрим, сколько раз мне придётся резать тебя, прежде чем от тебя останется лишь пустая оболочка вашего прежнего «я». Это только начало кошмара, и не волнуйся, когда я закончу с тобой, между нами не будет никаких секретов.